

ТАТА КАЛЬНИЦКАЯ

БЕЗ ФИЛЬТРОВ

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТ НАС ЖИВЫМИ

Talanta Agency

Тата Кальницкая

**Без фильтров. Истории,
которые делают нас живыми**

«ЭКСМО»

2021

УДК 159.92

ББК 88.52

Кальницкая Т.

Без фильтров. Истории, которые делают нас живыми /
Т. Кальницкая — «Эксмо», 2021 — (Talanta Agency)

ISBN 978-5-04-117955-7

Проплакать весь вечер над книгой и утром проснуться с четким пониманием, что именно нужно изменить в своей жизни — такой эффект производят тексты Таты Кальницкой. Это сборник терапевтических историй о поворотных моментах в жизни каждого человека: публичном унижении и публичном триумфе, разрыве токсичных отношений и встрече настоящей любви, ссоре с мамой и рождении ребенка. Каждый рассказ — сгусток мощных эмоций и высокий концентрат человеческой мудрости. Все это превращает книгу Таты в маршрутную карту для тех, кто заблудился в собственной жизни и хочет отыскать дорогу к счастью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.92

ББК 88.52

ISBN 978-5-04-117955-7

© Кальницкая Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	6
История первая	7
История вторая	11
История третья	15
История четвертая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тата Кальницкая

Без фильтров

Истории, которые делают нас живыми

Серия «Talanta agency»

Визажист Тоня Матияшина

Стилист Настя Крапивная

Продюсер Цыганова Елена

© Кальницкая Т. Г., текст, 2021

© Елена Вороха, фото на обложку, 2021

© Леся Поплавская, иллюстрации, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Знаете, что самое сложное в любой истории? Начало. Не так страшно и тяжело ходить в зал после месяца тренировок, да? Самый ужас – первые два раза, когда каждое упражнение превращается в игру с тренером «сделай из меня человека, если сможешь». С текстом все точно так же.

Но когда вы с растерянностью и страхом смотрите на пустой экран, не решаясь набрать первые слова, попробуйте, задумайтесь: почему среди моря выпущенных книг вы не можете найти ту, которую могли бы считать своей? Которая ответит на волнующие вопросы, которая больше всего нужна и интересна именно вам. Все просто: самые крутые истории еще не написаны, потому что мы проживаем их прямо сейчас, потому что самая крутая история – это наша жизнь.

Введение

Иногда кажется, что сейчас любой человек, способный складывать слова в предложения и хотя бы две минуты удерживать в голове одну мысль, может написать о себе книгу. Или уже написал. Но не сам, а с помощью райтера. Я всегда относилась к авторам, которые не достигли некой вершины, с небольшим скептицизмом.

Если честно, я верила (и продолжаю верить), что, когда люди пишут о себе, они проживают заново все самые болезненные моменты, которые обычно отчаянно стараются забыть, задвинуть в самый дальний уголок сознания, спрятать за веселыми приятными воспоминаниями. Они снова и снова проживают одни и те же ситуации, чтобы в конце концов освободиться от них: от комплексов, от проблем и многоного другого. Но даже не это главное. Подобные книги пишут для того, чтобы освободиться от самого себя, стать другим.

Я не лучше их и не хуже. Но возможно, и хуже. Даже несмотря на сотни выпущенных тиражей и открытых имен новых авторов, с которыми я работала с момента подписания договора и до счастливой улыбки при виде своей первой книги.

Каждый раз я устраиваю встречу с новым автором в красивом кафе. Мы садимся за столик, и я долго мучаю его разговорами. «Что было самым болезненным в твоей жизни? По какому поводу ты плакал? Мама била? А муж? Расскажи мне все». Но когда садишься писать сам, все происходит абсолютно по-другому. Ты изначально прочерчиваешь границу, за которую готов пускать. «Сюда зайти можно, а вот здесь уже слишком близко. Выйди за линию. Ага, спасибо».

Так было и со мной, когда я сидела в издательстве среди коробок и смотрела на выключенный монитор. О чем я могу рассказать? Маленькая девочка, которая сама до конца не понимает, кто она.

Считается, что самый подходящий момент поведать историю о себе наступает тогда, когда, отойдя от житейских забот, можешь спокойно устроиться в кресле-качалке и смотреть вдаль, а в это время услужливая стенографистка будет записывать ваши литературные потуги, словно вы какой-нибудь Достоевский. И даже платить за то, что удалось поработать с вами. Но вот в чем дело: если мы пишем историю нашей жизни в преклонном возрасте, те, кому на самом деле она нужна и кто начинает свой путь, уже говорят на другом языке. Они моложе. Они лучше. Они другие.

**КОГДА САДИШЬСЯ ПИСАТЬ САМ, ТЫ ИЗНАЧАЛЬНО
ПРОЧЕРЧИВАЕШЬ ГРАНИЦУ, ЗА КОТОРУЮ ГОТОВ ПУСКАТЬ.**

Я не стала олимпийской чемпионкой, не выиграла «Оскар», не заработала миллион и не летала на Луну. Но для себя я достигла намного большего. Я нашла себя. Свою суть. Я простила тех, кто создал во мне Франкенштейна, и научилась уважать себя. Моя история похожа на историю каждого из вас, и в то же время она совершенно особенная. Я не учитель, не коуч. И точно не звезда. Я человек, который однажды решил посмотреть на жизнь без фильтров и смог об этом рассказать.

История первая

Про то, что некрасивым ДЕТЬЯМ тоже хочется побеждать

Когда ты разбиваешь коленки в кровь, но при этом не самая милая девочка в группе, кроме твоей мамы и бабушки тебя жалеет только воспитательница. И лишь потому, что вы вдвоем сидите в ночи в ожидании мамы, которая долго работает и поздно приходит тебя забирать.

В эволюции моего самовосприятия случались очень разные периоды. Уже года в четыре я начала четко осознавать, что когда ты привлекательна внешне, ништяков от судьбы тебе достанется больше, чем другим детям. Тебе и вафли, и конфеты с мармеладом, а им леденец на палочке и «иди погуляй». Но проблема состояла в том, что милым и сладким котенком, когда у тебя сросшиеся брови и пухлые щечки, за которыми, казалось, легко могут поместиться вагоны поезда Харьков – Москва, можно выглядеть разве что лет до пяти.

Вот так мы смотрелись вместе с мамой: она – высокая, статная блондинка нордического типа с зелеными глазами и веснушками, а я – круглый пончик, всем остальным блюдам предпочтитающий борщ и пельмени. Как и другие заботливые мамы (самые лучшие женщины на свете), моя при малейшем ветерке торопилась надеть на меня самые теплые вещи. Это сильно увеличивало меня в объемах, и иногда мне представлялось, что она не ведет меня, а действительно перекатывает с места на место. Из дома – в садик, затем обратно, иногда на площадку или на прогулку, во время которой я периодически терялась. (Но это уже отдельная история ребенка, постоянно смотрящего по сторонам.)

В садике для меня установился простой расклад. Особенности «профессорского» района Москвы давали о себе знать. С одной стороны – красивые русские дети, с другой – я и мой друг Ким. «Русские дети. Я и мой друг Ким». Если бы вы сидели напротив, я повторяла бы эти семь слов ровно до тех пор, пока вы точно не осознали бы их смысл. Золотоволосая девочка Маша, которая на тот момент была в группе главной принцессой, и высокий мальчик Петя, живое воплощение юного Кена. Я – маленький пухлый шар с монобровью, и мой друг Ким, который, когда не хотел что-то делать, упрямо твердил: «Плохо понимаю русский язык».

Именно в пять лет я впервые в жизни почувствовала себя не самой красивой девочкой. Потом это ощущение еще множество раз навещало меня. Да и навещает до сих пор – что скрывать? Но сейчас я знаю, что с ним делать, а тогда...

Ок, ок, ок. Давайте по порядку.

**ИМЕННО В ПЯТЬ ЛЕТ Я ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ ПОЧУВСТВОВАЛА
СЕБЯ НЕ САМОЙ КРАСИВОЙ ДЕВОЧКОЙ.**

**ПОТОМ ЭТО ОЩУЩЕНИЕ ЕЩЕ МНОЖЕСТВО РАЗ НАВЕЩАЛО
МЕНЯ.**

У нас был очень хороший детский сад. Мы ставили спектакли, ездили в музеи и читали стихи на выставках. В группе было около двадцати человек, примерно равное количество мальчиков и девочек. Каждый из нас занимался еще чем-то дополнительно: бальными танцами, карате или самбо, учился играть на музыкальных инструментах, плавать или ездить верхом, осваивал иностранные языки.

Наши родители, дети бедного Советского Союза, пытались обеспечить нас всем тем, чего не смогли получить сами. Мы были заняты постоянно, старательно поддерживая репутацию «идеальных детей», и, говоря откровенно, нам это нравилось. Никто не хейтил нас с Кимом

в открытую, у меня нет грязных историй про то, как меня закрывают в туалете, которые мы с мамой могли бы рассказать в программе у Малахова.

Все изменилось в один момент.

Я хорошо помню тот день: второй класс, мы с Кимом играли на перемене. Мы все знали друг друга с пяти лет, перейдя после садика в одну школу.

Маша по-прежнему оставалась златовласой принцессой, а Петя – самым красивым мальчиком класса. Мои щеки заметно похудели без бабушкиных борщёй, а Ким до сих пор пользовался своим коронным «Я не понимаю русский язык». Осень за окном. Я мысленно считала дни до выхода новой книги о Гарри Поттере, когда в наш класс вбежала наша учительница и художественный руководитель в одном лице. «К нам едет Первый канал! – воскликнула она. – Нужно срочно ставить СПЕКТАКЛЬ!» Мы мало что поняли, но заметили, с КАКИМ придыханием она произнесла эти фразы, и тоже испугались.

Для постановки выбрали классическую русскую сказку про Ивана-дурака (Петя), который ищет свою Василису Прекрасную (Машу), но ему мешают Баба-Яга (я) и Кошечка Бессмертный (Женя). Хотя роль Кошечки наверняка бы досталась Киму, просто тот как раз улетел с родителями в отпуск на месяц.

Представьте: вам семь лет, ваши одноклассницы играют принцесс и фей, а вы – Бабу-Ягу. Когда в интервью меня спросят: «Какое самое большое разочарование было в вашей жизни?» – я скажу: «Когда я поняла, что Деда Мороза не существует, и когда играла Бабу-Ягу».

Мы долго репетировали, отрабатывая каждую фразу. «Телевизор» же едет! Я наблюдала за тем, как девочкам шили наряды, как выбирали платье для Маши – светло-голубое с кружевами или белое с камешками? Наблюдала и молчала. А момент X приближался.

За два дня до приезда Первого канала мы репетировали в костюмах. В наш красивый, отделанный деревом актовый зал, в котором стоял большой рояль, вошла директриса, села посередине пустых рядов и два раза хлопнула в ладоши. Можно было начинать.

Вышла Маша, спела грустную песню, помахивая платком, затем появился Петя, потом – все остальные. Мои сцены начинались ближе к концу, поэтому я спокойно сидела в коридоре на полу и читала наконец вышедшего «Гарри Поттера», пока не услышала громкий шепот: «Кальницкая! Пора выходить!». Пора так пора. Аккуратно заложив страницу и убрав книгу в сумку, я выбежала на сцену со словами: «Что ищешь тут, принц расчудесный?»

Знаете, у всех в жизни случаются моменты давящей тишины, когда слышно, как шумит вода в батарее или муха жужжит в соседнем кабинете, а на первом этаже зовут на полдник.

Когда я выбежала на сцену, заставленную декорациями и заполненную героями в ярких костюмах и гриме, в джинсовом комбинезоне и футболке, директриса схватилась за сердце. Возможно, потому, что я оказалась слишком красивой для Бабы-Яги? Скорее всего, нет. Я точно так не думаю.

– Ка-а-альницкая! – начала она шепотом, который постепенно превратился в сердитый рык. – Два дня! Осталось всего два дня! Где твой костюм?!

– Костюм? – удивленно переспросила я.

– Костюм, – повторила директриса.

Разговор слепого с глухим.

– Но у меня его нет.

– Найди!

Примерно таким образом из простой девочки со сросшимися бровями я превратилась в девочку, отлично усвоившую первый в жизни мотивационный урок: «Хочешь – сделай». Все просто под луной.

Красная, с трясущимися губами я вылетела из актового зала. Я не помню, как добежала до лестницы, ведущей в подвал, и спряталась под ней. Мы часто сидели здесь с Кимом, играя

в только нам понятные игры. Даже тогда, будучи ребенком, я четко осознавала необходимость подобного уголка – моего места силы.

Плакать прилюдно я не хотела. Мне казалось, что если показываешь другим свои слезы, выдаешь им свою болевую точку, на которую они смогут надавить при первом же удобном случае. И не важно, когда он представится, – сейчас или через тысячу лет. В любой момент. Ты сам даешь людям в руки козырь, а потом обижаясь, что они его используют.

Не делай так. Держи силу в себе, даже если очень больно, даже если невыносимо обидно. Это исключительно твои собственные эмоции и проекции, мир в них не виноват.

Но тогда, прячась в темном, неуютном холодном закутке под лестницей, я думала совсем о другом. Я не могла заплакать на глазах красивых принцесс и принцев и показать «высшему свету», как мне казалось, еще одну слабость помимо той, что я недостаточно мила для главной роли.

Слезы злости, они ведь самые стимулирующие, да? Обревевшись до красных щек, я сильно сжала кулаки, так, чтобы ногти больно впились в ладошки, и вышла.

Да, я не была самой красивой девочкой в классе, самой высокой и милой. Мне не помогали носить портфель мальчики, и монобровь уже становилась проблемой. Меня не одевали модно и дорого, не покупали мне геймбоя, я до сих пор носила странные высокие хвосты и широкую челку, которая, закрывая маленький лоб, сама становилась одной сплошной бровью.

И пусть я была именно такой, но существовало кое-что еще – я не собиралась проигрывать.

Наплевав на дополнительные занятия, я молча оделась и ушла домой, хотя родители наверняка еще не вернулись с работы, а ключей у меня не было. Но оставаться там, где меня не приняли, отчитали при всех, я физически не могла.

Сейчас я называла бы свои действия протестом, самоуважением и другими умными словами. Но тогда я чувствовала себя брошенной девочкой, почему-то виноватой в том, что выглядела не так, как кому-то представлялось, виноватой, потому что для нее не сделали костюм, а, возможно, вообще забыли про ее существование.

Спустя пару часов на пустой площадке около дома меня нашла мама, рассерженная, нервная и сильно встревоженная. Видимо, подобное характерно для нас, женщин. Мы настолько сильно любим и переживаем, что, когда все заканчивается хорошо и, например, ребенок находится, мы не только радуемся, но и всю свою скопившуюся злость вываливаем на него.

В тот вечер мы очень долго разговаривали, лежа вдвоем в кровати. Мама пыталась объяснить своей любимой дочке, почему в мире так много значат внешность и чужое мнение и почему взрослые могут так поступать с детьми. Это оказалось не так-то просто, поэтому мама выбрала другой метод. Она предоставила мне выбор: идти путем, на который укажут другие люди, позволив им решать за тебя, надеяться на них и перекладывать ответственность за случившееся, или делать все самой.

* * *

В день премьеры нервничали все. Особенно директриса, которая сначала усаживала гостей, потом позвонила моей маме узнать, где это мы и приедем ли вообще. Она говорила, что «у нас ведь такое событие», а костюма у меня нет, что если мы сорвем спектакль, меня отчислят, и еще что-то про ответственность и «взрослые ведь люди». Учителя тоже волновались и, размещая телевизионников, на всякий случай предупреждали, что возможна «альтернативная версия» спектакля и они удивятся. А я, сидя под той самой лестницей, которая ведет в подвал, сжимала кулаки так сильно, что на ладошках оставался след от ногтей.

За пять минут до начала мы с мамой зашли в комнату рядом с актовым залом, где все красились и репетировали роли. Я уже была загrimирована и одета в абсолютно ужасно-страш-

ный костюм настоящей Бабы-Яги, который мы сделали из всего, что нашлось в доме. А мои сжатые губы отчетливо давали понять, что повторять свои слова я точно сейчас не буду. Я приготовилась и точно не собиралась проигрывать.

Начался спектакль, ребята постепенно выходили на сцену, и чем меньше оставалось в комнате человек, тем сильнее становился мой страх. Пропадал голос, лицо побледнело так, что тени на нем смотрелись ужасающе, а в одном месте на ладонь даже пропустила кровь. И тут в комнату вбежал Ким.

Я не знаю, как точно устроены дети, но определенно лучше и продуманнее взрослых. Никаких громких слов и пафосных напутствий. Он просто меня крепко-крепко обнял. Вот и все.

Когда пишу эти строки, я плачу. Мне так хочется, чтобы каждый хотя бы раз в жизни в момент такого страха ощущал, как его обнимает человек, который верит в вас безусловно, ради которого не нужно выигрывать.

P. S. Спектакль прошел отлично. Нам громко хлопали и даже дарили цветы, а через две недели на Первом канале вышел сюжет про наш сад-школу и спектакль. И единственным персонажем, которого показали, оказалась Баба-Яга. Не потому, что сыграла она лучше всех, а потому что для нее одной это был не просто спектакль.

МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ХОТИЛ РАЗ В ЖИЗНИ В МОМЕНТ ТАКОГО СТРАХА ОЩУТИЛ, КАК ЕГО ОБНИМАЕТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕРИТ В ВАС БЕЗУСЛОВНО, РАДИ КОТОРОГО НЕ НУЖНО

История вторая Про ЛЮБОВЬ, без которой нет любви

Мне кажется, что наши детские комплексы постоянно живут с нами. Но мы боимся не барабашек под кроватью, не темноты и не шорохов. На самом деле наш самый большой страх, который пробирает нас до самого нутра, – это проснуться в постели с человеком, который нас не любит. Но которого любим мы.

Эта история началась, когда мне было около двадцати двух лет. Тот самый возраст, когда нам кажется, что мы уже неплохо разбираемся в жизни и потому можем смотреть на остальных людей чуть свысока. У нас уже есть работа, деньги и даже немного личной власти. Совсем немного. Например, мы можем пойти в клуб и нам не нужно отчитываться перед мамой, во сколько мы вернемся. Все-таки не так уж и мало, правда?

Я работала в издательстве, имела должность, выпускала неплохие проекты и, как мне казалось, являлась безоговорочной хозяйкой своей судьбы. Детские комплексы отошли в сторону, размер носа волновал гораздо меньше, а брови я разделила. Теперь я имела грудь, умение накладывать макияж так, чтобы скрыть недостатки, и острый язык. Я долго его тренировала, и все потому, что когда растешь не самой популярной девочкой, отчетливо понимаешь: добиться своего возможно не мытьем, так катаньем.

Красота, безусловно, важна, но остроумие и харизма – гораздо важнее. Чтобы стать такой, мне потребовались годы тренировок и практики.

Я выписывала самые необычные и сложные речевые обороты из книг, подслушивала их и не пропускала ни одной юмористической программы. Отдельный блокнот, в котором хранились мои сокровища, всегда находился под рукой. Я говорила выученные перед зеркалом фразы в компаниях, наблюдала за реакцией, ловила улыбки, терпела насмешки. Это был один из лучших периодов, ведь всем нам на самом деле интересны только мы сами.

Мы спрашиваем, как дела, надеясь, что в ответ нас спросят о том же, и мы сможем рассказать о себе. Но если у вас никто ни о чем не спрашивает? Тогда вам остается только наблюдать.

Мне исполнилось двадцать два, я уже нравилась парням, за спиной имелась одна история любви, и я верила, что теперь-то уж точно понимаю в отношениях. Настолько много понимаю, что не ищу их, а посвящаю себя работе. Вот только на работе на мои призывно-красные губы никто не обращал внимания. Поэтому я завела аккаунт в Тиндере.

**КРАСОТА, БЕЗУСЛОВНО, ВАЖНА, НО ОСТРОУМИЕ И ХАРИЗМА
– ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ.**

**ЧТОБЫ СТАТЬ ТАКОЙ, МНЕ ПОТРЕБОВАЛИСЬ ГОДЫ
ТРЕНИРОВОК И ПРАКТИКИ.**

В один из зимних дней, когда отсутствие личной жизни давило сильнее, чем низкое темное небо над головой, на мой «лайк» откликнулся Он. Мистер И. Мэтч. В ответ я написала пару ярких фраз, как мне казалось, весьма остроумных, и один вопрос: «Что ты делаешь сегодня вечером?» Мы, девушки, всегда намного инициативнее и смелее, когда парень нам еще не слишком сильно нравится, да? Цвет неба становился все мрачнее, как и перспектива провести очередной вечер на работе, пусть и любимой.

Мы встретились в тот же день. В маленьком тесном кафе недалеко от моей работы, посетителями которого являлись такие же никому не нужные сердца, в одиночестве выпивающие дежурную чашечку кофе за двести рублей и затем возвращающиеся в свои пустые квартиры.

Я не помню, о чём мы говорили, помню только, как промокнула подкрашенные ярко-красной помадой губы бумажной салфеткой и, оставив её на столе, вышла в туалет. Когда я

вернулась, на столе не осталось ни салфетки, ни счета, а мистер И улыбался мне во все тридцать два зуба. И в этот момент я поняла, что безнадежно влюбилась. В смешную улыбку, в оттопыренные уши и медвежью неловкость движений. Этот вечер просто не мог закончиться. Так я решила.

Мы вышли на улицу, и низкое небо уже не давило, как будто стало светлее и выше. Этот бой с одиночеством я выиграла, и оно отступило.

«А хочешь, я открою тебе секрет?» – полуслепотом спросила я.

Я знала, что он ответит, и он это тоже знал.

Мы сели в машину, я показала ему места, которые были мне по-особому дороги и о которых я не рассказывала никому. МОИ места.

Смотровую площадку возле РАН, но не ту, где обычно толпились туристы, а в стороне. Когда стоишь на ней, под твоими ногами открывается вид на третье транспортное кольцо. Справа Москва-Сити, а слева церковь.

Эклектика во всем ее великолепии. Единство и борьба противоположностей.

Я часто приезжала туда по утрам, где-то около шести-семи, раскладывала стульчик и долго смотрела на Москву. Мне не требовалось там говорить или писать. Вообще не требовалось ничего. Там не существовало давящего неба, комплексов и страхов. Только город и я. Мы были одновременно такие разные и совершенно одинаковые в своем безумии и разрозненности, но главное, мы были едины.

Я показала мистеру И укромный уголок на набережной Тараса Шевченко. Там город отражался в реке и совсем не было людей. Москва-Сити, церковь, река и мы.

Я показала мистеру И все. Для меня это значило даже больше, чем признание в любви. Я открыла ему свою душу.

Я не чувствовала стыда и смущения, не жалела и не думала, зачем. В детстве мама всегда говорила мне: «Не бойся любить, не любить намного страшнее». Даже если мистер И не влюбился бы в меня тогда, все равно та ночь стала бы самой прекрасной, и я о ней никогда бы не пожалела.

Но он, к моему удивлению, в меня влюбился.

Мы съехались спустя две недели знакомства. Я – девочка, выросшая в хорошем районе и ставшая женщиной с хорошей работой, статусом, машиной и прочими атрибутами успешной жизни. Он – только переехавший в столицу взрослый человек, решивший круто все поменять. Мы жили в маленькой комнатке в квартире с соседями и общей ванной и туалетом, и, знаете, подобное казалось абсолютно неважным.

Какое значение имеет, где ты живешь, если каждый вечер приезжаешь домой и видишь человека, которого любишь? А то, что это именно любовь, я даже никогда не сомневалась.

Я помню, как спустя две недели после начала совместной жизни мы вместе смотрели мультфильм. Обычный мультфильм с классическим сюжетом про друзей. В finale, когда маленький герой находил тех, в ком нуждался, я расплакалась.

«Знаешь, – произнес мистер И, – ты моя женщина. Я влюбился в тебя не из-за внешности или чего-то еще. Я влюблен в твою искренность. Оставайся такой всегда. Я никогда не захочу узнать, насколько глубока кроличья нора». И, конечно, я сказала в ответ, что люблю его.

Через пару месяцев я набила татуировку на ключице: планету, покровительствующую его знаку. Как символ того, что я – его обитель.

Эта история могла бы походить на сказку. Девочка, которая всю жизнь мучилась от комплексов и безответной любви, которая и не предполагала, что ей могут ответить взаимностью, вдруг обрела свое счастье. Она бежала домой готовить еду, мыть посуду и каждый вечер заезжала забрать его с работы. Она молча плакала в спальне, когда он с соседкой пил пиво на кухне. Она не спрашивала, почему он больше не говорит, что любит ее, да и вообще ничего не говорит. Она соглашалась с ним, что цветы – это дорого и не нужно, и понимающее кивала,

когда ему писала бывшая, когда он говорил, что она стала плохо выглядеть. Она не возмущалась, если он оценивающе рассматривал ее фигуру и просил похудеть, и улыбалась, когда в компаниях он не представлял ее, и ей приходилось знакомиться самой. Она молчала, когда в любой, даже сложной для нее ситуации, он говорил: «Ты справишься сама. Я ничем не могу тебе помочь». Она не покупала себе наряды и подарки, зато покупала ему.

Она вдруг забыла, о том, кто она такая, и всю себя посвятила ЕМУ. И это стало ее ошибкой, потому что девочка влюбилась в нарцисса. Обычная история болезненной любви.

Сейчас, когда я могу взглянуть на нее со стороны, мне хочется обнять эту девочку и пожелать сил. Все. Просто пожелать сил.

Как любая история, в которой один человек забывает о самом себе, эта тоже закончилась вполне предсказуемо. Однажды вечером, когда я в очередной раз дождалась его с ужином, новыми ковриками в общую ванную и подарками, он накричал на меня – мой родной, мой милый мистер И – и ушел в спальню, тихо закрыв за собой дверь.

Тишина хуже крика. Я зашла следом и задала только один вопрос: «Ты меня любишь?» И услышала в ответ: «Нет».

Это «нет» стало самым горьким за всю мою жизнь. Но не потому, что ситуаций хуже не возникало. Именно оно позволило мне четко осознать, как жестоко я предала ту маленьющую милую девочку, которой приходилось бороться буквально за все. Я предала себя. Вот что самое худшее.

Я молча вышла, взяла сумку и уехала. Без долгих разговоров, слез и слов. Уже сидя в машине, я позвонила лучшей подруге и сказала: «Соня, я еду к тебе».

Я думаю, лучшие друзья – это именно те люди, которым не нужно ничего объяснять. Им не важно, почему ты едешь к ним: потому что пьян или потому что предал себя. Для тебя всегда будет готов ромашковый чай и постелено на кухне.

Соня именно такой друг. Когда я рассказала ей о случившемся, она не стала задавать вопросов. Она сказала: «Если хочешь, я завтра помогу тебе забрать вещи. Ты справишься, даже если сейчас в это не веришь. Знай, мы сможем все». И мы смогли.

На следующее утро, когда он ушел на работу, я забрала все свои вещи, все до одной, не оставив и намека на то, что когда-то тут жила. Оставив ключи озадаченной соседке, я прыгнула в машину и решила для себя, что с этого дня изменится все. Я больше никогда не предам себя, и, пожалуй... куплю себе новую машину.

В школе нам рассказывают, где расположены Курильские острова и как высчитать географические координаты, объясняют, о чем думал Пушкин, когда писал «Евгения Онегина». В нас вдабливают миллион невероятно «важных и нужных» знаний. Но почему-то никто не учит девочек, как забывать тех, кто сказал им в лицо «Я тебя не люблю».

Время летело очень быстро. Я не могла вернуться к родителям, мне было стыдно и неловко, поэтому договорилась с Соней, что поживу у нее первое время. Две женщины вместе способны на многое, не так ли? Иногда мне кажется, что практически на все.

Мы каталась по Москве, занимались спортом, красили волосы, но главной моей целью оставалось поменять машину. Все-таки в нас, женщинах, живет слишком много нерастреченной любви, и когда мы не в состоянии отдать ее кому-то или не хотим, мы наконец отдааем ее себе. Словно являемся последним человеком, которому она нужна. Это все равно что пройтись по улице с деньгами, не найти нищих, которым можно их отдать, и потому поесть на эту сумму самому. Разве вы станете так делать? Так почему мы поступаем подобным образом с нашей любовью к себе?

Он напомнил о себе спустя месяц. Первые сообщения с проверкой, не умерла ли я без него, содержавшие «Привет, ты как?», привели меня в ужас и заставили оцепенеть. Я КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ЖЕЛАЛА ЕГО ВИДЕТЬ. Я боялась того, что произошло со мной в прошлый раз. Я не ответила. Как, впрочем, и на множество других сообщений, и мое молчание

отзывалось нескончаемым потоком чувств с его стороны. Он как будто не понимал, отчего так происходит и почему жертва, которая совсем недавно была полностью в его власти, столь жестко игнорирует все его «ты – моя душа». Я молчала в ответ на любые слова, начиная «Я думал ты другая, и мы хотя бы сможем нормально общаться» и заканчивая «Я люблю тебя всем сердцем».

Всего лишь сообщения, просто слова. И хоть в школе не объясняли, как правильно любить себя, я начинала этому учиться.

МЫ СПРАШИВАЕМ, КАК ДЕЛА, НАДЕЯСЬ, ЧТО В ОТВЕТ НАС СПРОСЯТ О ТОМ ЖЕ, И МЫ СМОЖЕМ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ.

История третья Про День СВЯТОГО Валентина

Знаете, наверное, я даже немножко завидую нынешнему поколению. И не важно, какому из «нынешних». Если вы моложе меня (а оказаться такими нетрудно), я вам завидую. Понятно?

Все достаточно просто. Вот, например, в мои четырнадцать из средств связи у меня имелаась раскладная «Моторола» розового цвета, а в ней «телефонная книжка», куда я заботливо вписывала любого человека, с которым была знакома даже косвенно. В ней отыскались бы и «дядя Ваня, мамина работа, токарь», и «Валентина Петровна, медсестра, школа», короче, куча «нужных» людей, у которых все равно нельзя было спросить о том, что действительно меня волновало.

Сейчас мы независимо от возраста можем зайти в Инстаграм или в любую другую социальную сеть и узнать, как выщипывать брови и какой сегодня день по лунному календарю, случайно пройти марафон и научиться красить стрелки.

Во времена моего детства из случайного я могла найти разве что шприц в подъезде, а он не сильно помог бы мне в решении задач подросткового периода.

Из забавного пончика я превратилась в девочку, которая, возможно, станет красивой, когда вырастет. Но не сейчас. Встречаются же такие дети, и вы наверняка их видели, на которых мы смотрим и думаем: «Просто надо подождать лет пять. Просто подождать». Я тоже была таким ребенком. И если вам кажется, что я слишком много пишу о внешности, то… вам не кажется.

Ребенок в таком возрасте не помнит медали и грамоты с конкурсов, каждую «пятерку» или как учитель по русскому языку назвал его «самым талантливым». Зато хорошо помнит другое. Я, например, – усики над губой, густые сросшиеся брови, огромные глаза и маленький рот. Почему? Потому что в классе мне ежедневно о них напоминали.

Дети – самые честные создания. Но еще и самые жестокие. Им пока не объясняли про уважение и чужие границы, про толерантность и прочее «бла-бла-бла». Они не торопятся встать на твоё место и делят мир на черное и белое. Но каким бы ты ни был и как бы к тебе ни относились окружающие, ты в любом случае способен чувствовать и обязательно влюбиться. Именно это произошло со мной той зимой перед Днем святого Валентина.

Люди, записанные в контактах моего телефона, не могли подсказать, как влюбить в себя самого красивого мальчика в школе, и даже как убрать усики над губой. Откровенно говоря, никто бы мне не помог, потому что говорить о подобном я тоже не хотела. Я не психолог, но я считаю, этот момент детства очень важным, когда ты впервые влюбляешься и думаешь, что же делать с таким странным ощущением.

Выбор оказался невелик. Я не пила «Ягуар», не гуляла по вечерам и не одевалась как «модные девчонки». Откровенно говоря, я была самым обычным ботаном, который даже не всегда получал «пятерки», а просто так выглядел.

Спустя много лет, пообщавшись с одноклассниками, я выяснила, что они воспринимали происходящее совсем по-другому. Но мы ведь всегда легко забываем плохое, верно? Память делает нас «хорошими людьми», и я никого не осуждаю за это.

За неделю до четырнадцатого февраля на первом этаже поставили коробку. «Прием писем любви» – гласила надпись на ней, а рядом красовалась уродская наклейка с сердечком.

Важный день, он каждый год становился событием. Старшеклассники заходили в класс и сообщали: «Петрова – пять писем, Мурзов – три письма», и так далее. Кто получал больше всего писем, тот пользовался авторитетом и почетом, а значит, на весь год становился «королем» или «королевой». Жалоб на то, что я ни разу не заслужила такого титула, вы от меня

не услышите. Я, конечно, могла накупить «валентинок», написать на них свое имя и послать себе, но прекрасно понимала, что все сразу догадаются. А если я не могу выиграть честно – «се ля ви», ничего не поделаешь.

Я не знала, отправлять мне свою открытку ему или нет. С одной стороны, это был праздник любви, а с другой, у меня хватало ума, чтобы не питать иллюзий по поводу его отношения ко мне.

Я провела в сомнениях всю неделю до дня Х и очень переживала, правильно ли я в итоге поступила.

С утра началась ужасная метель, но как настоящая женщина, я проснулась в день любви с ощущением маленького праздника. Получив с утра цветы от отца и поцелуй от мамы, я распустила заплетенные на ночь косички. Мама достала новое платье. Черное, по фигуре, с темными колготками оно смотрелось так, будто я как минимум иду на свидание с принцем мечты. Мне даже разрешили накрасить губы помадой. Одним словом, я была чудо как хороша. Даже метель, казалось, немного успокоилась от одного моего вида.

Первые несколько уроков мы вели себя как шпионы, каждый раз затихали, слыша смех старшеклассников, идущих по этажу. «Вдруг, сейчас зайдут к нам! Вдруг!»

Чем ближе раздавались шаги, тем сильнее замирало мое сердце. «Правильно или нет? Правильно или...» Одним словом, когда на четвертом уроке к нам зашли с заветной коробкой, я уже устала переживать и почти не слушала, какие называют фамилии. «Хохлов – два, Манурян – четыре, Иванова – восемь».

Моя фамилия так и не прозвучала. Я незаметно доставала из портфеля салфетку, чтобы стереть остатки помады с губ, и тут услышала: «Кальницкая».

Знаете, подобного еще не случалось, чтобы за моей громко произнесенной фамилией следовало что-то хорошее. Особенно если ее насмешливо выговорил Андрей, в которого я и была влюблена.

Я молча подняла глаза, сжимая в руках салфетку с пятнами полустертоей помады. А он стоял посреди кабинета и держал в руках листок.

«Я прочитал твое письмо, – продолжил он, и было заметно, что его просто распирает от смеха. – Так вот, запомни здесь и сейчас. Никогда, никогда в жизни я не влюблюсь в тебя, потому что ты – СТРАШНАЯ!»

Я не вскочила со стула, не выбежала из кабинета и ничего не сказала. Я просто молча сидела с этой дурацкой салфеткой в руке до тех пор, пока все не вышли из класса на перемену.

Я слышала хохот со всех сторон, хохот двадцати детей, которые смотрели на меня в этот момент. Видела лицо учительницы, которая пыталась что-то сказать. Память стирает плохие моменты? Вы уверены?

Когда все вышли из кабинета, учительница сказала: «Следующий урок тут будет пусто. Если хочешь, останься».

Я криво улыбнулась, дождалась звонка с перемены и ушла.

На улице по-прежнему мела метель, а на мне было все то же потрясающее платье.

* * *

Пока я не закончила школу, мне пришлось видеть Андрея до девятого класса. А спустя семь лет на встрече выпускников я узнала, что ту самую «валентинку», которую он зачитал, написала девочка Оля, потому что хотела посмеяться. Ведь тогда, мучаясь выбором, я все-таки испугалась и ничего ему не послала.

И позже тот самый уже не мальчик Андрей, немного подвыпивший, подошел ко мне и сказал: «Ты так изменилась. Стала такой красивой. Мы же были детьми, понимаешь? Кто

старое помянет, и все такое. Ты же филолог, сама знаешь, да?» Я ответила ему: «Да, да», – и вышла на улицу.

Бедный мальчик Андрей даже не представлял, что сделал мне величайший подарок.

Кем бы я стала, получая кучу «валентинок»? Разве захотела бы многое чего доказать этому миру, если бы тогда не услышала общий смех?

Мною двигала боль, но я не стояла на месте, а шла. И это гораздо важнее.

Выходя из душной школы, я села в свою машину и открыла записную книжку. Теперь в ней остались только мои друзья, и нам было, что обсудить.

ДЕТИ – САМЫЕ ЧЕСТНЫЕ СОЗДАНИЯ.

НО ЕЩЕ И САМЫЕ ЖЕСТОКИЕ. ИМ ПОКА НЕ ОБЪЯСНЯЛИ ПРО
УВАЖЕНИЕ И ЧУЖИЕ ГРАНИЦЫ.

История четвертая

Про СЕМЬЮ и безграничность материнской любви

Мы сидим за праздничным столом. В этом году мне исполняется двадцать один год. Собрались только родственники. Я люблю их и знаю все наперед, и потому иногда поглядываю на часы. Через несколько минут дядя Ваня произнесет длинный тост, потом включат музыкальный канал и запоют. Начнут с украинских песен, а дальше – по нарастающей: сначала тихо, чтобы соседи не услышали, а потом все громче и громче. Бабушка станет убирать со стола, а мы все ее остановим. Папа отправится на балкон за новой бутылкой вина, и все встретят его улыбками, потому что, не найдя ее, он принесет коньяк, и постепенно забудут о поводе встречи.

Справа от меня сидит мама, я сжимаю ее руку. Моя нежная, милая мамочка.

Начинают петь. Я тихо разворачиваюсь к ней, чтобы обнять и прошептать: «Я, наверное, пойду». Прощаюсь, нежно обнимая и целуя дальних родственников, бабушку, братьев, отца.

Мама выходит меня провожать. Пока я обуваюсь и параллельно пытаюсь вызвать такси, она стоит, прислонившись к стене, и смотрит на меня с полуулыбкой.

Есть один вопрос, который я хочу ей задать и все никак не решаюсь. Вот уже много лет.

– Мам, – тихо произношу я. – Есть одна вещь, которую я до сих пор не могу понять. В которую не могу поверить.

Она вопросительно поднимает бровь. Это ее особенность, привычка человека, который прошел через многое, – меньше слов.

– Помнишь? Когда я уходила из дома, когда жила не пойми где столько времени, когда работала на рынке. Ты… вычеркнула меня из жизни, да? Мне было всего пятнадцать.

Я тороплюсь, потому что боюсь испугаться и так и не договорить до конца. Слишком долго эта фраза жила во мне. Слишком долго мне хотелось узнать на нее ответ.

Это случилось шесть лет назад. Стоял теплый май, на самом деле теплый. Самое время для тусовок с друзьями и приятных вечеров. Они слишком рано начались в моей жизни. Оглядываясь назад и вспоминая о случившемся, я смеюсь. Это забавная история, которая кажется веселой, когда я рассказываю ее в компаниях. Но оставаясь наедине с собой, я впадаю от нее в ужас.

Мне было всего пятнадцать, когда я решила, что взрослая жизнь – это мое. Моя мама, моя милая мамочка родила уже второго сына, и, откровенно говоря, родителям было не до меня. Не потому, что они меня не любили. Отнюдь. Просто мама добивалась всего сама: денег, почета, успеха. Как ребенок голодного времени, выросшая буквально с одним платьем в поселковом центре в Украине, она очень хорошо знала цену благополучной жизни, и потому хотела дать нам все. Образование, комфортную жизнь в столице и много-много вещей и игрушек. Пропадая днями и ночами на работе, она медленно, но упрямо создавала свой бизнес в то непростое время с бесконечными кризисами, сменой власти и ракетирами, а нами занималась няня и иногда приезжавшие бабушка с дедушкой. Основное внимание, конечно, уделялось моим маленьким братьям. Мама мне доверяла, хотя не думаю, что я этого заслуживала.

В пятнадцать лет я попала в плохую компанию и как будто обрела свой второй дом. Нет, мы не употребляли наркотики и не грабили палатки. Мы ходили по клубам, вечеринкам, впискам и прочим ночных мероприятиям. Я «ночевала у подруг», отпрашивалась, давя на «доверие». И моя мама, слишком сильно устававшая на работе, но хотевшая дать своему ребенку хоть немного любви, отпускала меня. Мне кажется, она думала, что таким образом заслуживает мое расположение. А я так подло и мерзко пользовалась этим.

Как устроены подростки? Сильнее всего в них проявляется умение манипулировать и зависимость от собственных огромных желаний. Думаю, я вела себя еще хуже. Все детские

комплексы вылезли наружу и нашли отклик среди новых друзей. Они ненавидели тех, кто обижал меня когда-то, и всегда говорили, что я красивая. А я, подобно черной дыре, всасывала эти «одобрения» ежедневно, все больше и больше на них подсаживаясь. Я отдала бы этим ребятам все, если бы они попросили. Все, что имела, и даже немного больше. Потому что они меня понимали. В моей голове я была звездой компании. А разве, когда тебе пятнадцать, есть что-то важнее?

Понедельник – караоке, вторник – R'n'B-вечеринка, среда – тусовка дома, а четверг – воскресенье – просто не спрашивайте. Вечный угар, когда ты едешь на метро туда, а с утра гуляешь около станции и ждешь ее открытия. Я видела лица людей, которые ехали поутру на работу и смотрели на меня осуждающие. «Да что они понимают в жизни?» – звучало в моей голове.

На тот момент у меня уже оформилась грудь, темные волосы и косметика прибавляли пару лет, да и паспорта никто никогда не спрашивал. Все было «окей». У меня, по крайней мере.

У каждой истории есть кульминация. Вам подтвердит любой начинающий сценарист, автор, да и просто человек, который прочитал хотя бы несколько книг. Пик. Высшая точка. Венец. Есть даже такая теория, что любые сценарии нашей жизни можно провести через литературу. Почему нет?

Кульминацией для моей милой, моей родной мамы стал один из вечеров, когда я уже нагло и открыто красила глаза, чтобы уйти в ночь. Не представляю, что испытывала она в тот момент. Не хочу представлять, что чувствуешь, когда твоя маленькая девочка, которую ты учила читать и писать, вульгарно красит глаза и уходит неизвестно куда поздно вечером.

Случился скандал – громкий, жесткий, жестокий.

Мама кричала, что я похожа на не пойми на кого, что она запрещает мне уходить, а еще про мораль и ответственность. Про то, что я закончу понятно где и как, если не сдохну раньше времени. А я кричала в ответ, что она ничего не понимает, что я все могу сама, что она мне не нужна и много других ужасных вещей, которые сейчас я не состояния даже написать. Если я их напишу, получится, что они были. Переживу ли я подобное еще раз? НЕТ.

Это были самые ужасные вещи, которые ребенок просто не имеет права говорить маме. Но я – сказала:

– Ты мне не нужна!

Я не плакала. Я произнесла это отчетливо и твердо. НЕ НУЖНА.

Мама упала, у нее начались судороги. Она даже не плакала. Я не знаю, как это описать. Она выла, роняя слезы.

Тогда я тоже заплакала, но вышла и закрыла за собой дверь. Я думала только о том, что после подобных слов не могу вернуться назад. Сердце билось быстрее, чем ездят поезда в Токио.

Следующее, что я помню, – лавочка. Я сижу и перебираю контакты в телефонной трубке, рассказываю вкратце свою историю. Кто-то на тусовке, кто-то не может помочь, кто-то просто не отвечает. Слухи расходятся быстрее, особенно когда сама ты сидишь на лавочке, и желающих отозваться все меньше.

Спустя полчаса ответила одна подруга. Она была беременна, поэтому проводила вечера дома. На ее звонки тоже редко откликались, возможно, поэтому на мой она среагировала так быстро. «Конечно, приезжай, – сказала она. – Что-нибудь придумаем». Затем смс-ка с адресом, и еще через полчаса я уже сидела у нее на кухне.

Я ничего не объясняла, просто повторила несколько слов о том, что меня не понимают, и все. Уже тогда я четко осознавала, что натворила. Это, которое помутило мой разум и позволило хотелкам взять вверх, чуть не убило мою маму. Мою милую, мою родную мамочку. Ту женщину, о которой в своей компании я всегда рассказывала, как о кумире. Ту самую, которая

не побоялась в голодном 1993-м родить меня, хотя ее бросил мой биологический отец. Женщину, которая всю жизнь положила на то, чтобы сделать МЕНЯ счастливой, которая крепко держала меня за руку в нужный момент и всегда говорила: «Ты сможешь все. Ты сильная. Ты цельная. Ты – моя звезда. Я люблю тебя». Я предала ее. Я предала себя. И эти две фразы четко звучали в моей голове. И именно из-за них я не могла вернуться.

Моя подруга Полина устроила меня на работу. Было лето, каникулы, и я с радостью начала «новую жизнь».

Савеловский рынок, продажа телефонов. Тысяча рублей в день, из которых шестьсот уходили на еду, двести на дорогу и еще двести я отдавала Полине – несла в «дом».

Так прошло два месяца. Мама мне не звонила, я не звонила ей. Абсолютная тишина.

Я думала, она меня вычеркнула из собственной жизни. Ведь правда, зачем ей такая дочь, когда есть еще два ребенка, и наверняка из них получится что-то более путное, что-то лучшее, чем из меня. Тусовки отошли на задний план, как и компания. Сложно гулять всю ночь, когда тебе вставать в семь утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.